

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)

<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2021-1-124-152>

© 2021. И.Ю. Виноцкий

Принстонский университет, Принстон, США

ВИДЕНИЕ ТОПОРА Достоевский и космонавтика

© 2021. Ilya Yu. Vinitsky

Princeton University, Princeton, USA

THE VISION OF AN AXE Dostoevsky and Astronautics

Информация об авторе: Илья Юрьевич Виноцкий, доктор филологических наук, профессор кафедры славянских языков и литератур, Принстонский университет, Принстон, США.

E-mail: vinitsky@princeton.edu

Аннотация: В этой статье рассматриваются научные и литературные истоки образа топора, вращающегося по орбите вокруг земли, в главе «Черт. Видение Ивана Федоровича» в «Братьях Карамазовых» Достоевского. Был ли писатель автором «пророческой» идеи искусственного спутника, как утверждают некоторые исследователи и публицисты? Как связаны были в его сознании наука (в данном случае астрономия) и литература? Как вообще «работала» научно-творческая фантазия писателя? В статье показано, что «космическое место» в видении Ивана восходит к научно-популярным статьям о ньютоновской механике и опубликованному в 1869 году в «Русском вестнике» переводу Марко Вовчок (Марии Вилинской) научно-фантастического романа Жюль Верна «Вокруг Луны» (“Autour de la Lune”), рассказывающего о полете отважных исследователей на ядре, выпущенном гигантской пушкой. В статье также реконструируется траектория яркого жюль-верновского образа искусственного спутника в русской литературе конца XIX – XX веков.

Ключевые слова: научные предсказания, астрономия, Достоевский, Ньютон, Жюль Верн, Сведенборг, Мережковский, Гиппиус, научная фантастика, «фантастический реализм», спутник, тема летающего топора в литературе.

Для цитирования: Виноцкий И.Ю. Видение топора. Достоевский и космонавтика // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал, 2021. № 1 (13). С. 124-152. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2021-1-124-152>

Information about the author: Ilya Yu. Vinitsky, D. Litt., Professor of the Department of Slavic Languages and Literatures, Princeton University, Princeton, USA.

E-mail: vinitsky@princeton.edu

Abstract: This essay explores the scientific and literary origins of the image of an axe thrown into outer space to orbit the earth, as it appears in the chapter “The Devil. The Vision of Ivan Fyodorovich” in Dostoevsky’s *The Brothers Karamazov*. Did Dostoevsky anticipate the idea of an artificial satellite, as many critics and journalists argue? How were science (in this case astronomy) and literature connected in his mind? How did Dostoevsky’s scientific and creative imagination work in general? The author shows that Dostoevsky’s “prophetic” reference to a sputnik was rooted in popular articles and textbooks about Newton’s mechanics and in Marko Vovchok’s (Maria Vilinskaya’s) translation of Jules Verne’s science fiction novel *Around the Moon* (“Autour de la Lune”), published in *The Russian Herald* (*Russkii vestnik*) in 1869. The novel relates the chronicle of a voyage of brave researchers inside a cannonball that was fired out of a giant space gun. The essay reconstructs the trajectory of Verne’s image of a manmade satellite in Russian literature of the late nineteenth and early twentieth century.

Keywords: scientific predictions, astronomy, Dostoevsky, Newton, Jules Verne, Swedenborg, Merezhkovsky, Gippius, science fiction, “fantastic realism,” satellite, “axe theme” in fiction.

For citation: Vinitsky, I.Yu. “The Vision of an Axe. Dostoevsky and Astronautics”. *Dostoevsky and World Culture, Philological journal*, no. 1 (13), 2021, pp. 124-152. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2021-1-124-152> (In Russ.)

Если действительно существует дар пророчества, то как болезнь или как нормальное отправление? Если существует способность пророчества, то во всех ли людях, более или менее разумеется, или в самых редких случаях, из множества миллионов людей в одном каком-нибудь экземпляре?

Ф.М. Достоевский

А пудель вприпрыжку попал на топор.

Даниил Хармс.

1. Пророческий кошмар

Если верить некоторым нашим восторженным ученым, философам, журналистам и блогерам, то Россия является живым опровержением евангельской максимы, что в своём отечестве пророков несть. У нас и Державин пророк, и Пушкин, и Гоголь, и Щедрин, и Толстой, и Хлебников, и, скажем, Сорокин, Пелевин или Алексей Винокуров. Но конкурс на главного пророка в отечестве вне всякого сомнения выигрывает Достоевский, сам неоднократно подчеркивавший свои провидческие способности и даже посвятивший научному обоснованию дара предвидения незаконченную статью для «Дневника писателя» (откуда мы и заимствовали первый эпиграф к этой статье).

Едва ли не самым поразительным примером пророческого дара Достоевского некоторые исследователи и критики считают описание первого искусственного спутника – топора на орбите – в демоническом видении Ивана Карамазова (глава «Черт. Кошмар Ивана Федоровича» из XI книги романа, впервые опубликованная в августовской книжке «Русского вестника» за 1880 год). Вызываний на этот счет можно привести много, но мы ограничимся лишь одним из последних и наиболее категоричных: «Достоевский еще до Циолковского определил, с чего начнется наша космическая эра. И назвал то, что станет первым земным объектом в космосе, тем словом, которое потом все стали употреблять. Космонавтика была придумана чертом в разговоре с Иваном Карамазовым»¹.

Научную ауру этот образ приобрел почти сразу после запуска советского спутника в 1957 году. Замечательно, что первыми о космическом предсказании писателя вспомнили в Америке. 14 декабря 1957 года журнал “New Yorker” опубликовал письмо читателя, указавшего на необходимость внимательного отношения к русской литературе (равно как и развитию русской физики) в связи с новейшей советской атакой на космос (“attack on outer space”) [New Yorker, 1957, p. 33]. Внимательный читатель процитировал слова о топоре-спутнике в английском переводе «Братьев Карамазовых»

¹ В. Емельянов, 10 ноября 2020 г. URL: <https://www.facebook.com/vladimir.emelianov.589/posts/2864442747120033> (дата обращения 15 ноября 2020).

и особо выделил год их написания – 1880-й. На то же пророчество Достоевского указал и филладельфийский квакерский “Friends Journal” [Friends Journal, 1958, т. 4, р. 195], особо отметивший, что, слава Богу, ни Спутник, ни Explorer пока не напоминают символ угрозы (“the symbol of a threat”), предвиденный русским писателем.

Во второй половине XX века в СССР «гениальное прозрение» Достоевского обычно вспоминали с гордостью («<o>бщеизвестно, что Достоевский первым употребил в “Братьях Карамазовых” слово “спутник” в значении “искусственный спутник земли”, опередив свое время на восемьдесят лет» [Косенко, 1981, с. 162]), причем топор на орбите представлялся критикам образом профетическим не только в астрономическом, но и в историческом смысле. Так, В.Б. Шкловский в статье «Достоевский», опубликованной в журнале «Смена» в 1971 году к 150-летию со дня рождения писателя, увидел в летающем в холодном пространстве топоре символ исторического возмездия старому миру:

Вокруг России, охраняемой Победоносцевым, летает топор, а сама Россия – обманутая, замороженная страна. «России надо подмерзнуть», – говорил Победоносцев. Заморозить – чтобы она не бунтовала. Заморозить, остановить, а топор, который летает вокруг России, остановить нельзя. И нельзя остановить мечту, которая содержит в себе элементы необходимости [цит. по: Шкловский, 1974, с. 382].

«Топор, – писал Шкловский в более поздней статье “Разгадать ветер времени. (Рампа)”, – казался оружием будущей крестьянской революции. О топоре писали в прокламациях. Топора боялись герои романа “Бесы”. Космический спутник – топор летал вокруг тогдашней земли как непроходящая угроза. Он восходил как солнце, но был страшнее солнца. О неизбежном, почти космическом потрясении думали и Достоевский и Толстой. Они знали, что старый мир обречен. Достоевский жил в старом мире, но думал о другом, будущем мире» [Шкловский, 1978, с. 55].

Были и авторы, не забывавшие о зловещем демоническом происхождении этого образа. В том же 1978 году поэт В.П. Коркия написал визионерскую поэму «Свободное время», взяв в качестве эпиграфа слова черта о летающем топоре, которые развернул в целую литературно-космическую картину:

И все равно,
что где-то там, в зените,
куда не достигает смертный взор,
летает по неведомой орбите
Раскольниковка каменный топор... [Коркия, 1988, с. 59]

«Под созвездием топора» назвал (кажется, с аллюзией на Достоевского) книгу стихов поэт-эмигрант Иван Елагин: «Мимо авто промчалось, // Шарили прожектора... // Над головой качалось // Созвездие Топора» [Елагин, 1976, с. 105].

В 1991 году Андрей Вознесенский использовал «пророческий» образ хождения России под топором в стихах на смерть священника Александра Меня:

А в небе кровавым довеском
над утренней нашей тропой
с космической достоверностью
предсказанный Достоевским,
как спутник, летит топор [Вознесенский, 1991, с. 164]².

За последние десять лет космическое пророчество писателя неоднократно приводилось в сетевых журналах и блогах в качестве доказательства сверхъестественной научной интуиции автора «Братьев Карамазовых».

Но предсказал ли Достоевский искусственный спутник и будущее космонавтики? Как связаны были в его сознании наука (в данном случае астрономия) и литература? Как вообще работала научно-творческая фантазия писателя?

² Обзор «культуры топора» Раскольниковка в творчестве двенадцати современных русских поэтов см. в статье [Поимцева, 2017, с. 35-44]. Исследовательница отмечает отсылку к видению Ивана о топоре в стихотворении Бахыта Кенжеева 2001 года, посвященном достоевсковеду Игорю Волгину: «Закрываю глаза – а по речке плывет топор, // уж не тот ли самый, что снился Ивану К.? // Уж не тот ли, что из петли Родиона Р. // взмыл в высокий космос в краю родном, // чей восход среди скрежетавших небесных сфер // изучал ночами каторжник-астроном?» [Кенжеев 2001]. В русскую «топориану» XXI века следует также включить стихотворение А. Скидана «Когда русским языком, сухим языком цифр тебе говорят» (2007): «А выведенный на околоземную орбиту топор Достоевского, тот самый, из «Братьев Карамазовых», который девки на морозе дают целовать своим парням?» [Скидан, 2007].

2. Ньютоновская пушка

Приведем соответствующий отрывок из романа, выделив некоторые важные для дальнейшей дискуссии слова. Черт является Ивану в виде джентльмена с развязно-небрежным, но совершенно дружелюбным видом, во фраке, белом галстуке и перчатках (Достоевский не только вписывает своего пошло-инфернального персонажа в русскую литературную традицию, восходящую к «Ночи перед Рождеством» Гоголя (1832) и «Сказке для детей» Лермонтова (1842) [Достоевский, 1972–1990, т. 15, с. 590], но и обыгрывает «народную униформу» черта, представлявшегося простолюдинам, как сообщалось в этнографической литературе 1860 – 1870-х годов, «в синем картузе, в желтом галстуке, в коричневом фраке и с палкою в руке»). Этот «известного сорта русский джентльмен» жалуется, что простудился, воплотившись в человеческий образ, спеша «на один дипломатический вечер к одной высшей петербургской даме, которая метила в министры»³. Далее следует рассказ о его космических злоключениях и впечатлениях:

я был еще Бог знает где, и чтобы попасть к вам на землю предстояло еще перелететь пространство... конечно это один только миг, но ведь и луч света от солнца идет целых восемь минут, а тут, представь, во фраке и в открытом жилете. Духи не замерзают, но уж когда воплотился, то... словом, светренничал, и пустился, а ведь в пространствах-то этих, в эфире-то, в воде-то этой, я же бе над твердию, – ведь это такой мороз... то есть какое мороз, – это уж и морозом назвать нельзя, можешь представить: сто пятьдесят градусов ниже нуля!

Известна забава деревенских девок: на тридцатиградусном морозе предлагают новичку лизнуть топор; язык мгновенно примерзает, и олух в кровь сдирает с него кожу; так ведь это только на тридцати градусах, а на ста-то пятидесяти, да тут только палец, я думаю, приложить к топору, и его как не бывало, если бы... только там мог случиться топор...

– А там может случиться топор? – рассеянно и гадливо перебил вдруг Иван Федорович. Он сопротивлялся изо всех сил, чтобы не поверить своему бреду и не впасть в безумие окончательно.

– Топор? – переспросил гость в удивлении.

³ Не аллюзия ли на начальную сцену «Войны и мира», описывающую салон страдавшей модным гриппом Анны Шерер?

– Ну да, что станется там с топором? – с каким-то свирепым и настойчивым упорством вдруг вскричал Иван Федорович.

– *Что станется в пространстве с топором? Quelle idee! Если куда попадет подальше, то примется, я думаю, летать вокруг земли, сам не зная зачем, в виде спутника. Астрономы вычислят восхождение и захождение топора, Гатцук внесет в календарь, вот и все* (курсив наш – И. В.) [Достоевский, 1972–1990, т. 15, с. 75].

В комментарии к этому фрагменту в Полном собрании сочинений Достоевского указывается на библейское происхождение определения эфира («И создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая стала над твердью») и отмечается, что черт имел ввиду популярный «Крестный календарь» на предстоящий год с еженедельным иллюстрированным приложением, издававшийся А.А. Гатцуком (1832–1891) – знакомцем Федора Михайловича [Достоевский, 1972–1990, т. 15, с. 591]. В самом деле, в библиотеке писателя было несколько выпусков этого периодического издания, неизменно включавшего разные астрономические сведения. Так, календарь за 1880 год (публ. 1879) сообщал о восходах и заходах солнца и планет в Москве, Петербурге и Ташкенте, помещал сведения о системе солнца, новооткрытых Планетоидах или Астероидах и главнейших астрономических обсерваториях. Сама репутация календарей Гатцука была низкой. В посвященной дешевым календарям 1860 – 1870-х годов статье S.S. (С.С. Шишкова) в журнале «Дело» говорилось, что шарлатанство Гатцука «доходит до того, что он пускается в ворожбу на кофейной гуще, морочит темных людей брусовскими пророчествами о “рождении знаменитого принца”, “тяжкой войне между христианскими державами”, “собрании вновь великих податей с народа” и т.д. и предсказывает на каждые десять дней погоду так, что, напр., 11-19 марта должно ждать сильных морозов не только в Архангельске, но и в Адрианополе и Неаполе и Рио-Жанейро» [Шашков, 1879, с. 22]. Черт у Достоевского несомненно подсмеивается над низкими вкусами обывателей (путающих астрономию с астрологией), удовлетворяемые «календарной шушерой» – издателями халтурных справочников обо всем.

Достоевский, как давно заметил В.А. Туниманов в работе о «Сне смешного человека», сам интересовался астрономией⁴, которая

⁴ В библиотеке Достоевского были книги К. Фламариона «История неба» (издания 1875 и 1879 годов) и «Небесные светила» (М., 1865), а также странная книга Шепфера

пересекалась в его восприятии с популярной в 1860 – 1870-е годы «космической» нравственной философией (Н. Страхов), спиритуалистической космогонией (Э. Сведенборг) и научно-популярной мистикой (К. Фламарион) [Туниманов, 1966; Milosz, 1977; Кийко, 1985; Vinitsky, 2006].

Следует заметить, что первое, насколько нам известно, обращение писателя к астрономии как к теме встречается в «Записках из Мертвого дома». Горянчиков с брезгливостью и жалостью вспоминает об одном бывшем профессоре математики из поляков-дворян, старике Ж-м. Он называет его чудачком, крайне ограниченным, тупым и неопрятным человеком: «Помнится, он все мне силился растолковать на своем полурусском языке какую-то особенную, им самим выдуманную астрономическую систему. Мне говорили, что он это когда-то напечатал, но над ним в ученом мире только посмеялись. Мне кажется, он был несколько поврежден рассудком». В остроге несчастный безумец был подвергнут физическому наказанию, и вытерпел его, по словам Горянчикова, без крика или стога, «не шевелясь» [Достоевский, 1972–1990, т. 4, с. 210–211]. Известно, что прототипом несчастного профессора был польский ученый Иосиф Жоховский (Józef Żochowski, 1800–1851). Стариком он, конечно, не был (умер в Омском остроге в возрасте 51 года). О политическом деле Жоховского, приговоренного за революционные намерения к десяти годам каторги, и полном безразличии к его судьбе Достоевского хорошо писала Нина Перлина [Perlina, 2005, p. 107]. Несложно реконструировать те идеи этого ученого, которые вызвали раздражение протагониста «Записок». Профессор математики Варшавского университета, Жоховский был романтиком-шелленгианцем, обожествлял природу, верил в витальную электромагнитную силу и написал несколько статей и две книги “*Filozofia serca, czyli mądrość praktyczna*” (Философия сердца, или практическая премудрость, 1845) и “*Życie Jezusa Chrystusa*” (Житие Иисуса Христа, 1847). Беглый просмотр (все-таки это отдельный сюжет) первой показывает, что Ж-й (Жоховский) пересказывал Горянчикову (Достоевскому) в Сибири свою возвышенно-туманную натурфилософскую астрономическую систему, сформулированную именно в этой книге: для астрономии в храме христианской философии математика явля-

«Противоречия в астрономии» (СПб., 1877), в которой учение Коперника опровергалось с религиозной точки зрения [Достоевский, 1972–1990, т. 25, с. 400].

ется духом, парящим над водами и согревающим их своим теплом, «как согревает птица свой плод, замкнутый в слабой скорупке»; дух этот, окружающий твердые и жидкие сущности, был создан «в эпоху следующего дня»; математика точно так же охватывает астрономию при входе в святилище наук; *здесь* математика измеряет точные пропорции и формы материальных строений, а *там* поверяет точные порядок и пропорции предвечной гармонии, которую услышал Платон в пении мира; ангельские хоры безуданно наполняют небеса возмышенным осанна и благодарным аллелуя; в этом и заключается наивысшая функция математики как образца человеческого и божественного порядка, в котором отражается высочайшая мудрость [Żochowski, 1845, с. 202]. Очевидно, что в конце 1850–1860-х годов эта натурфилософская мистическая риторика была крайне далека от Достоевского, но уже в середине 1870-х годов писателя начинают увлекать родственные ей идеалистические системы, противопоставляемые их создателями научному рационализму. Голосом последнего в известной степени можно считать карамазовского черта, издаваемого над «наивной» христианской космогонией.

Между тем научные сведения, приводимые чертом в разговоре с Иваном, в принципе не выходят за пределы общего курса физики и популярных статей о вселенной в журналах и хрестоматиях XIX века, известных его собеседнику. В разделе «Телескоп» в «Детском мире и хрестоматии» (1869) Константина Ушинского мать любознательного мальчика Саши, узнав о гигантских космических расстояниях, вздыхает: «Это так далеко, что, если рай находится на светлом солнышке, то не скоро же до него доберется душа наша после нашей смерти». «Конечно, – отвечает ей образованный и благочестивый Дядя, – если бы она отправилась туда так же медленно, как едет паровоз, но не должно забывать, что свет долетает от солнца до земли в 8 минут и 13 секунд, а дух наш без сомнения быстрее света» [Ушинский, 1869, с. 199]. О путешествиях духов, не замерзающих в пространстве, писал в своих увлекательных книгах астроном и спиритуалист Камиль Фламарион.

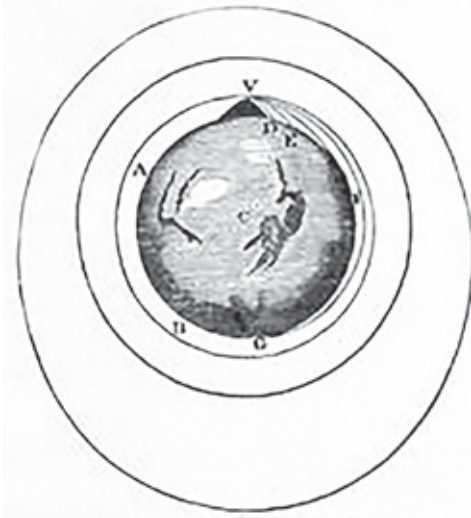
Хорошо известной в XIX веке была и идея искусственных спутников. Так, еще в 1836 году «Журнал министерства народного просвещения» опубликовал речь академика К.М. Бера (Бэра) «Взгляд на развитие наук», произнесенную в Академии наук, в которой говорилось о том, что

[е]сли бы мы могли употребить столько силы, чтобы бросить ядро туда, где притяжение луны становится сильнее притяжения Земного Шара, то снабдили бы ее спутником, который обращался бы около нея до скончания века [ЖМНП, 1835, т. 10, с. 199].

Это высказывание само восходит к известнейшему «мыслительному опыту» о стреляющей вертикально гигантской пушке на самой высокой горе, предложенному в конце XVII века Исааком Ньютоном (“Newton’s cannonball”).

Опыт английского ученого с расчетами был подробно пересказан преподавателем физики и физической географии Московского университета Н.А. Любимовым в напечатанной в «Русском вестнике» за 1856 год краткой биографии Ньютона:

Ядро, пущенное из пушки, находящейся на поверхности земли, описав в воздухе кривую линию, опять упадет на землю. Но предположим, что оно пущено где-нибудь далеко от земли, например на том расстоянии, где находится луна; в таком случае описываемая кривая будет таких размеров, что ядро не упадет уже на землю, а будет обращаться около нея как спутник <...> Состояние механики во время Ньютона позволяло решить задачу о движущемся камне или ядре, находящемся на таком расстоянии от земли, как луна, и подверженном действию тяжести [Русский вестник, 1856, т. 5, с. 234-235].

Илл. 1. Диаграмма эксперимента из трактата И. Ньютона «Система мира»

Fig. 1. Isaac Newton, “A Treatise of the System of the World”, 1728

Об этом опыте профессор Любимов рассказывал и в своем популярном учебнике «Начальная физика: в объеме гимназического преподавания» (там же пересказываются ньютоновские опыты с преломлением синих лучей, упоминаемых чертом в ранней редакции главы

о кошмаре Ивана [Любимов, 1876, с. 419; Достоевский, 1972–1990, т. 15, с. 333]. Наконец, в первой половине 1880 года Любимов опубликовал очередную статью своего научно-популярного цикла «Из истории физических учений в эпоху Декарта», в которой описывал предвосхитивший Ньютона мыслительный эксперимент французского философа с воображаемой большой пушкой, которая должна стрелять вертикально поверхности земли: ядро, выпущенное из такой пушки прямо по направлению к зениту не должно возвратиться назад, ибо «сила выстрела, увлекая его очень высоко, удаляет на такое расстояние, что оно вполне теряет свою тяжесть» [Русский вестник, 1880, т. 67, с. 100]. Автор статьи сообщал также, что Декарт включил в одно из своих писем рисунок придуманного им расположения пушки на блоках⁵.

Фактический редактор «Русского вестника» в 1863–1882 годы, Любимов был хорошим знакомым Достоевского и редактировал его романы «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы». В письме к Любимову от 10 августа 1880 года (день окончания работы писателя над одиннадцатой книгой) Достоевский предложил психолого-теологическую интерпретацию видения Ивана, мучимого безверием:

Мой герой, конечно, видит и галлюцинации, но смешивает их и со своими кошмарами. Тут не только физическая (болезненная) черта, когда человек начинает временами терять различие между реальным и призрачным (что почти с каждым человеком хоть раз в жизни случалось), но и душевная, совпадающая с характером героя: отрицая реальность призрака, он, когда исчез призрака, стоит за его реальность. Мучимый безверием, он (бессознательно) желает в то же время, чтобы призрака был не фантазия, а нечто в самом деле [Достоевский, 1972–1990, т. 30₁, с. 205].

Вернемся к топору-спутнику. Как мы видим, ничего научно экстраординарного в попутном замечании черта не было: Достоевский здесь просто обобщил популярные физические идеи (гипотезы), почерпнутые из тогдашних журналов, учебников или бесед с приятелями-физиками вроде Любимова. Иначе говоря, эти идеи (гипотезы) были лишь материалом для романа, во многом

⁵ О значимости декартовской системы для Достоевского в 1870-е годы писал Дмитрий Чижевский [Čiževský, 1933]. Сам черт Ивана ссылался на ее центральный постулат.

направленного против современного позитивизма и сциентизма – так называемой «религии Ньютона», артикулируемой чертом. Чуть далее этот джентльмен *de profundis* (пародия на современного интеллектуала-атеиста Ивана) высмеивает научные споры о «химической молекуле» и «протоплазме» (по сути дела – об отношении между неорганической и органической природой) в русских журналах конца 1870-х годов – например, в программной речи и статье Д. Трифановского «Недостатки современного метода исследования биологических вопросов», опубликованной в «Русском вестнике» в июне 1880 года. «А вот как узнали у нас, – жалуется на физиков и химиков черт, – что вы там открыли у себя “химическую молекулу” да “протоплазму”, да черт знает что еще, – так у нас поджали хвосты. Просто сумбур начался» [Достоевский, 1972–1990, т. 15, с. 78].

И далее в главе о кошмаре Ивана Федоровича черт-джентльмен продолжает подсмеиваться над современной одержимостью науками, числами и мерами. Так, очевидно, следует понимать обойденную вниманием комментаторов ироническую ремарку в анекдоте об атеисте, которому в наказание за неверие присудили, «чтобы прошел во мраке квадриллион километров (у нас ведь теперь на километры), и когда кончит этот квадриллион, то тогда ему отворят райские двери и все простят» [Достоевский, 1972–1990, т. 15, с. 78]. Заключение в скобки уточнение – несомненная отсылка к деятельности созданной после подписания Россией в 1875 году Международной метрической конвенции в Париже Комиссии по подготовке внедрения метрической системы, призванной «определить преимущества, возможные препятствия и положительные моменты метрологической реформы в России». Многие видные ученые того времени, включая Д.И. Менделеева, были энтузиастами введения метрической системы («километров») взамен старой, идущей «от человеческих мерок», системы [Шевцов 2007, с. 219-223].

3. Муж Дианы

Наконец, как нам представляется, «космическое место» в видении Ивана имеет конкретный *литературный* источник. В 1869 году «Русский вестник» опубликовал в своем литературном приложении перевод Марко Вовчок (Марии Вилинской) научно-фантастического романа Жюль Верна «Вокруг Луны» (“*Autour de la Lune*”), рассказывающего о полете отважных исследователей на ядре, выпущенном гигантской пушкой. В этом романе (переводе) мы находим несколь-

ко деталей, преломившихся в словах черта. Хотя по отдельности эти детали можно обнаружить в популярной научной литературе того времени, их комбинация, воспроизведенная Достоевским, свидетельствует о том, что именно произведение Жюль Верна дало пищу для воображения русского писателя (в те же годы к научным гипотезам «лунного» романа Верна обратился и Лев Толстой [Гусев, 1963, с. 154]).

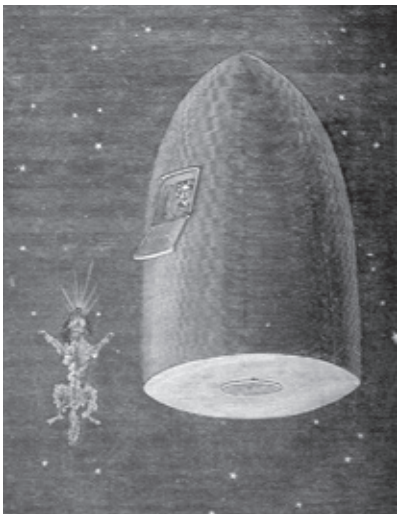
Начнем с мотива температуры космического пространства. У Достоевского она 150 градусов ниже нуля и, как мы помним, по словам черта, такой мороз палец отхватит, если прикоснуться там к железному предмету. В романе Жюль Верна герои подробно обсуждают разные гипотезы космической температуры в «эфире» (смеси «невесомых атомов») и путем опыта и измерений приходят к тому, что она приблизительно равна 140 градусам ниже нуля «по Цельсию»: «Такова ужасающая температура звездного пространства. Такова может быть температура лунных материков, когда светило ночи теряет теплоту, которую она заимствует от солнца в продолжение пятнадцати дней» [Верн, 1869, ноябрь, с. 111].

Для измерения этой температуры один из героев предлагает открыть окно и выбросить в него «инструмент» (термометр), который «последует за ядром с рабскою покорностью», но трогать потом этот инструмент рукой ни в коем случае нельзя, ибо рука тотчас же «превратится в ледяную глыбу под влиянием этого страшного холода», как будто «ты почувствуешь ощущение страшного обжога, как от прикосновения железа, раскаленного до бела, ибо если теплота вдруг входит в наше тело или выходит из него, следствие бывает одно и то же» [Верн, 1869, ноябрь, с. 110].

В следующей главе герои выражают (хорошо понятные) опасения, что им будет крайне сложно пройти между Сциллой и Харибдой заданной выстрелом скорости движения: «вместо того, чтобы затеряться в межпланетных пространствах, ядро наше повидимому опишет эллиптическую орбиту вокруг луны» и «сделается ея спутником» – «луной луны» [Верн, 1869, ноябрь, с. 123].

Вскоре путешественникам удается доказать верность гипотезы об искусственном спутнике с помощью конкретного (непреднамеренного) опыта. В полет они взяли с собой двух собак - суку и кобеля. Последний по дороге умер и его останки выбросили в открытое пространство «точно так же, как моряки выбрасывают в море трупы». Замечательно, что имя этой собаки во французском оригинале “Sat-

ellite”, а в русском переводе 1869 года – «Спутник». Через какое-то время после «похорон» Спутника один из путешественников «подошел к окну и заметил род сплющенного мешка, несшегося в нескольких от него метрах» и казавшегося неподвижным, как ядро. «Что это там за штука? – повторил Мишель. – Не одно ли это из маленьких тел пространства, которое наше ядро держит в сфере своего притяжения и которое будет сопровождать его до луны?» [Верн, 1869, декабрь, с. 55]. Вскоре путешественники устанавливают, что «это вовсе ее астероид, вовсе не обломок какой-то планеты», а «наша несчастная собака, муж Дианы» (имя подруги Спутника, разумеется, тоже символическое – олицетворение Луны). В самом деле, «этот предмет, искаженный, неузнаваемый, превратившийся в ничто, был труп Спутника сплюснутый, как волынка, из которой выпустили воздух и все двигавшийся и двигавшийся» [Верн, 1869, ноябрь, с. 56].

Илл. 2. «<...>этот предмет, искаженный, неузнаваемый, превратившийся в ничто, был труп Спутника сплюснутый, как волынка». Jules Verne. *Autour de la Lune: Avec illustrations et dessins par Emile Bayard et A. De Neuville*

Fig. 2. "... this deformed, unrecognizable object, reduced to nothing, was the body of Satellite, flattened like a bagpipe". Jules Verne. *Autour de la Lune: Avec illustrations et dessins par Emile Bayard et A. De Neuville*

Таким образом, первым описанным в литературе искусственным спутником оказался верный пес по имени Спутник – предтеча выведенной 3 ноября 1957 года на орбиту на советском корабле «Спутник-2» собаки Лайки, которая, произведя несколько витков, погибла, как и было предусмотрено, от перегрева в высшей точке орбиты. (Отметим, что генеалогически тема космического пса в романе Жюль Верна представляет собой научно-секулярную версию древнегреческого мифа о собаке Ориона – прототипа созвездия Большого Пса [Canis Major], напоминающего своей конфигурацией ярких звезд собаку).

Упомянутый выше эпизод романа произвел огромное впечатление на несколько поколений читателей. В 1913 году его подробно

проанализировал Яков Перельман в своей «Занимательной физике: 140 парадоксов, задач, опытов, замысловатых вопросов и пр.» (впоследствии книга выдержала много изданий). А годом раньше образ спутника-кадавра использовала в замечательном стихотворении «Возня» («Остов разложившейся собаки...») Зинаида Гиппиус [см. Ронен, 1979, с. 214; Ронен, 2002, с. 97]. После Октябрьской революции Д.С. Мережковский привел это восходящее к роману Верна стихотворение жены в статье «Чем это кончится. Из дневника – февраль 1921 г. – Накануне кронштадтского восстания» как аллереорию несчастной судьбы России, выброшенной Европой из общего ядра-дома. Примечательно, что в восприятии Мережковского образ собаки-спутника тесно связывался с идеями Достоевского – этого «провидца духа», по известному определению писателя-символиста:

«На свете никогда ничего не кончается», – говорит у Достоевского русский нигилист. – «Идет ветер к югу, и переходит к северу; кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои», – говорит Екклезиаст. Все возвращается, повторяется. Все бесконечно, безысходно, бесцельно, бессмысленно.

Помните, как в «Путешествии на луну» Жюль Верна летящие в ядре выкинули тело издохшей собаки и оно завертелось вокруг ядра вечным спутником?

Остов разложившейся собаки
Ходит вокруг летящего ядра.
Долго ли терпеть мне эти знаки?
Кончится ли подлая игра?
Все противно в них: соединенье,
И согласный, соразмерный ход,
И собаки тлеющей крученье,
И ядра бессмысленный полет.

Кажется, сейчас Европа решила именно так: бывшая Россия, шестая часть планеты Земли, оторвавшись от нее, завертелась бессмысленным спутником.

Если б мог собачий труд остаться,
Ярко-пламенным столбом сгореть!
Если б одному ядру умчаться,
Одному свободно умереть!

Но в мирах надзвездных нет событий;
Все летит, летит безвольный ком.
И крепки все временные нити:
Песий труп вертится за ядром.

Помните ужасное видение Свидригайлова о загробной вечности: закоптелая, низенькая деревенская баня с пауками во всех углах, – «вот вам и вся вечность!» [Мережковский, 2001, с. 154-155].

Это смешение в историко-апокалиптической картине Мережковского научной фантастики Жюль Верна с метафизикой Достоевского представляется нам вполне органичным.

Если продолжить наш экскурс в историю искусственных спутников в русской литературе «докосмического» периода, то нужно упомянуть и чудесную пародию на ньютоновскую небесную механику (и видение Ивана?) в романе Лазаря Лагина «Старик Хоттабыч» (ред. 1938 и 1953 годов), в котором рассказывается, как брат доброго джинна, злой и сварливый дух Омар Юсуф превратился из-за незнания законов природы в вечный спутник земли:

Когда-нибудь учёные изобретут такие точные приборы, которые позволят учитывать самое ничтожное притяжение, испытываемое Землёй от прохождения около неё самых крохотных небесных тел. И какой-нибудь астроном, бывший, возможно, в детстве читателем нашей повести, установит в результате долгих и кропотливых расчётов, что где-то, сравнительно недалеко от Земли, вращается небесное тело весом в шестьдесят три с половиной килограмма. Тогда в объёмистый астрономический каталог будет занесён под каким-нибудь многозначным номером Омар Юсуф, сварливый и недалёкий джинн, превратившийся в спутника Земли исключительно вследствие своего несносного характера и невежественного пренебрежения к данным науки [Лагин, 1961, с. 200].

Как читатели, наверное, помнят с детства, сострадательный Хоттабыч навестил своего упрямого брата в космосе и подарил ему целый сонм маленьких разноцветных шариков-спутников размером от горошины до очень большой тыквы. А затем, воспользовавшись точными астрономическими расчетами, вернулся на землю.

Илл. 3. Лазарь Лагин. «Старик Хоттабыч» (ред. 1938 года). Рис. Г. Валька
Fig. 3. Lazar' Lagin, *Old Man Khottabych* (1938). Illustrated by G. Val'ka

4. Внутренняя астрономия

Но мы несколько отклонились от заданной нами траектории исследования и вообще нам пора закругляться. Итак, не Достоевский, а французский писатель-фантаст оказался пророком, описавшим (с опорой на Ньютона и его популяризаторов) первый искусственный спутник (по имени Спутник в переводе Марко Вовчок), вечно летящий по орбите в космическом холоде. В историко-научном плане Достоевский выступает здесь как читатель современной ему общедоступной научной и художественной литературы (добавим к числу «фоновых» текстов известный русскому писателю рассказ-розыгрыш Эдгара По о космическом путешествии Ганса Пфаала, "The Unparalleled Adventure of One Hans Pfaal", 1835), но читатель не просто внимательный, а, по определению А.Л. Бема, «гениальный», сумевший перевести яркую научно-фантастическую гипотезу в психологический и символический план раздвоенного сознания героя. Иначе говоря, мысленный эксперимент Ньютона, беллетризованный во французском фантастическом романе, Достоевский превращает во внутреннюю драму своего персонажа, разыгранную перед читателями.

По сути дела, перед нами еще одна иллюстрация «реализма в высшем смысле», т.е. изображение «глубины души человеческой» и, как считал Достоевский, национальной. Более того, иллюстрация, проливающая свет на идеологическую связь астрономии и психологии (физики и совести) в восприятии Достоевского: звездное небо и нравственный закон внутри нас для него не только предметы восхищения, но и, как для спиритуалиста Сведенборга, сочинение которого «о небесах, о мире духов и об аде» русский автор хорошо знал, единый объект (микро- и макрокосм) познания (отсюда, как указал Ч. Милош, идут и темы ада и соприкосновения мирам иным в рассуждениях старца Зосимы в романе [Milosz, 1977]). Замечательно, что в наброске статьи для «Дневника писателя» об этой книге Сведенборга Достоевский прямо связывал болезненные пророческие видения шведского мистика с бурным развитием наук о природе и человеке:

Современная наука, столь много трактующая о человеке и даже уже решившая много вопросов окончательно, как сама она полагает, кажется никогда еще не занималась вопросом о способности пророчества в человеке. В том же, что книга эта есть плод галлюцинации,

убедится всякий, ее прочитав: в ней до того выразился протестант со всем духом протестантства и с его предрассудками, что не останется ни малейшего сомнения, по прочтении ее, что она вышла вся лишь из души и сердца самого автора, конечно, вполне веровавшего в истинность своей галлюцинации. Но если б к тому же была доказана и истинность факта об отысканных после покойника бумагах (одно из «чудес» Сведенборга, – *И. В.*), то для науки получился бы важный факт, а именно болезненность того состояния, при котором возможно в человеке пророчество, или, лучше сказать, что *пророчество есть лишь болезненное отправление природы человеческой* (курсив наш, – *И. В.*) [цит. по: Волгин, 1973, с. 68-69].

Эти слова могут служить концептуальным комментарием к космической галлюцинации Ивана, которой посвящена наша статья. Только вместо пророчества о законах внешнего мира герою (и читателю) открывается, по замыслу автора, страшная «тайна» внутреннего мира современного человека – тот самый «закон неверия», который писатель вывел на основании собственного опыта на спиритическом сеансе у жреца русского спиритизма и переводчика Сведенборга А.Н. Аксакова в феврале 1876 года [Vinitsky, 2006].

В конечном счете тема воображаемого топора, облетающего в видении Ивана землю по законам физики, вписывается Достоевским не только в план фантастического реализма (зд. реализации и психологизации восходящего к Ньютону умственного эксперимента), но и в разрабатываемую им эпистемологию веры и неверия. «Ты глуп, ты ужасно глуп! – говорит Иван, выслушав научные разглагольствования своего черта, – ври умнее, а то я не буду слушать. Ты хочешь побороть меня реализмом, уверить меня, что ты ешь, но я не хочу верить, что ты ешь! Не поверю!!» «– А не верь, – еще раньше усмехался черт, приводя в пример спиритов (кстати, больших специалистов в области так называемой левитации, – *И. В.*). – Что за вера насилием? Притом же в вере никакие доказательства не помогают, особенно материальные. Фома поверил не потому, что увидел воскресшего Христа, а потому, что еще прежде желал поверить. <...> Тот свет и материальные доказательства, ай-люди! И наконец, если доказан черт, то еще неизвестно, доказан ли Бог? Я хочу в идеалистическое общество записаться, оппозицию у них буду делать: “дескать реалист, а не материалист, хе-хе!”» [Достоевский, 1972–1990, т. 15, с. 72]. Не будет преувеличением сказать, что во «внутренней

астрономии» Достоевского черт является вечным спутником породившего его Ивана Карамазова – нечто вроде остова собаки, неизменно, как наваждение и укор, сопровождающее космическое ядро с путешественниками в романе Жюль Верна и стихотворении Зинаиды Гиппиус.

Интересно, что в черновых набросках этой главы содержится краткая запись, проливающая свет на внутреннюю логику развития космической фантазии Достоевского: «150 град. морозу. Яйца печь на свечке» [Достоевский, 1972–1990, т. 15, с. 335]. Если первая часть этого конспекта связывается с научными (жюль-верновскими) гипотезами, о которых говорилось выше, то вторая вводит литературную этическую тему. Это слова из известной басни И.А. Крылова «Напраслина», посвященной нерадивому брамину (монаху), обвинившему лукавого в том, что тот его попутал нарушить пост и испечь яйца на свече. В финале басни лукавый (зд. бесенок) возмутился бесстыдством грешника:

«Не стыдно ли», кричит: «всегда клепать на нас.
Я сам лишь у тебя учился сей же час,
И, право, вижу в первый раз,
Как яйца пекут на свечке» [Крылов, 1969, с. 157].

Хотя это же выражение встречается и в русской пословице, приводимой Владимиром Далем, и в одной веселой украинской народной сказке, скорее всего, Достоевский думал здесь именно о крыловской морали (во второй половине 1870-х годов он несколько раз ссылался на мудрость русского баснописца, забытого «в наш теперешний деловой и мятущийся век» [Достоевский, 1972–1990, т. 27, с. 31]), которую хотел вписать в смысловой контекст кошмара Ивана Федоровича: кто у кого еще учиться должен, люди у чертей или наоборот? (Много лет спустя о. Александр Мень воспользуется этой же крыловской сентенцией в одной из христианских бесед. По мнению богослова, верующему человеку не следует перекидывать с себя ответственность на адские козни, ибо «нечего на дьявола пенять, коли рожа крива» [Мень, 2008]). Приведенная запись Достоевского показывает, что космические холод и тьма *интериоризуются* писателем в образ грешной души героя, ощущающего свою личную вину. (Возможно, что от крыловского мотива Достоевский отказался потому, что образ свечки понадобился ему для знаменитого при-

знания черта в том, что больше всего он хотел бы перевоплотиться в толстенную купчиху, чтобы иметь возможность ставить Богу свечки в церкви). Черт «притягивается» к темной душе по нравственному закону (назовем его «психологической механикой»), как искусственный спутник к небесному телу.

Кстати (говоря о игривом «хе-хе» из реплики черта), не является ли полемическим ответом на теологическую тему топора-спутника в «Братьях Карамазовых» знаменитая рационалистическая аналогия Бертрана Рассела о летающем по орбите чайнике (“a china teapot revolving about the sun in an elliptical orbit”)?

Многие верующие ведут себя так, словно не догматикам надлежит доказывать общепринятые постулаты, а наоборот – скептики обязаны их опровергать. Это, безусловно, не так. Если бы я стал утверждать, что *между Землей и Марсом вокруг Солнца по эллиптической орбите вращается фарфоровый чайник*, никто не смог бы опровергнуть моё утверждение, добавь я предусмотрительно, что чайник слишком мал, чтобы обнаружить его даже при помощи самых мощных телескопов.

Но заяви я далее, что, поскольку моё утверждение невозможно опровергнуть, разумный человек не имеет права сомневаться в его истинности, то мне справедливо указали бы, что я несу чушь. Однако если бы существование такого чайника утверждалось в древних книгах, о его подлинности твердили каждое воскресенье и мысль эту вдалбливали с детства в головы школьников, то *неверие в его существование казалось бы странным, а сомневающийся – достойным внимания психиатра в просвещённую эпоху, а ранее – внимания инквизитора* (курсив наш, – И. В.) (Russell, 1997).

Даже если Достоевский и не был пророком, то умел провоцировать умы на большом временном расстоянии.

5. А что же топор?

«А что же топор?» – со свирепым и настойчивым упорством может спросить нас апологет научной интуиции Достоевского. Ведь только у этого писателя он оказывается в космосе чем-то вроде искусственной луны. И тут не все так просто. В 1860 году в лондонском издательстве друга А.И. Герцена Н. Трюбнера вышло посвященное русским детям и пропитанное острыми политическими аллюзиями

и выпадами собрание «Путевых чудесных приключений барона Мюнхаузена», подготовленное загадочным (или загадочной) переводчиком «К. М». (По мнению историка русской мюнхаузеаны А.В. Блюма, это издание представляло собой «очень остроумную литературную мистификацию – нередкий прием в издательской практике русских революционеров, часто маскировавших свои книги» [К.М., 1861, с. 41].

В шестой главе этой книги описывалось восхождение барона на луну и спуск его с этого спутника земли. Отправился он туда в прямом смысле слова за топором. В турецком плену Мюнхаузен должен был выносить каждое утро султанских пчел «на цветистое поле и стеречь их». Но однажды вечером он потерял пчелу и тотчас же заметил, что два медведя напали на нее, чтобы полакомиться медом. У барона с собой был только серебряный топорик, полученный как знак отличия султанского садовника. Он бросил его в разбойников, чтобы напугать их и «освободить бедное насекомое». «Но, *по какому-то странному закону*, – признается барон, – *топор мой полетел вверх и, зацепив на полете за рог луны, повис на нем, как на гвозде*. Что было делать?» (курсив наш, – И. В; [К.М., 1861, с. 32]). Вернуть застрявший в космосе топор он смог с помощью быстрорастущего турецкого боба, по которому он взобрался на месяц и вернулся на землю по веревке из соломы, завязанной одним концом за луну.

Достоевский упоминает «портрет и личность» барона Мюнхаузена в «Записной книжке» начала 1860-х годов. Может быть, в сознании его и застрял этот фантастический образ, унаследованный потом Иваном Федоровичем и его чертом. (Английское издание перевода книги Распе Достоевскому, посетившему Лондон в 1862 году, могло быть известно. Первое русское издание «Путешествий и приключений барона Мюнхаузена» вышло в Петербурге в 1872 году).

Заметим, что образ топора на луне впоследствии стал одной из визитных карточек короля фантазеров. В конце 1920-х годов переводчик книги Распе К.И. Чуковский читал расхныкавшимся и расшумевшимся ребятишкам в одной лечебнице на берегу Черного моря свой пересказ приключений барона и по прочтении отметил «взрывчатый хохот ребят», слушавших «и про топор, залетевший на луну, и про путешествие верхом на ядре...» В свою очередь, советские педагоги называли «издевательством над девятилетним гражданином Советской страны» «считать его таким беспросветным глупцом,

который способен поверить, что топоры взлетают на луну!» [цит. по: Блюм, 1978, с. 56-57]

The BARON recovers his Hatchet.

Илл. 4. «Но по какому-то странному закону, топор мой полетел вверх и зацепив на полете за рог луны, повис на нем, как на гвозде. Что было делать?» Рисунки Дж. Крукшенка и Г. Дорэ

Fig. 4. "However, by some strange law, my hatchet flew up and caught on the moon's horn as it flew, hanging on it as if on a nail. What should I have done?". Illustration by Dzh. Krukshchenko and G. Doré

При всей своей политической «заряженности» в творчестве Достоевского (призывы Руси к топору, топор Раскольников, страх перед топором в «Бесах» и т.п.) образ этого залетевшего в космос инструмента в галлюцинации Ивана представляется нам не только зловещим, но и одновременно комически окрашенным – как в фантастической истории честнейшего барона. По крайней мере, комическим для господина черта (у нас нет сомнений, что похождения главного в истории литературы лгуна должны высоко цениться на том свете, если он, конечно, существует).

Очень похоже, что летающий топор Достоевского также является не «своим», а «усвоенным» из западной художественной литературы образом (русский гений, так сказать, и топор подковал).

6. Ай-люли (публицистический финал)

И все-таки мы должны признать, что в каком-то смысле русский писатель действительно смог предвидеть важное техническое изобретение в знаменитом видении Ивана.

Лет пять тому назад в газетах сообщалось, что президент России В.В. Путин посетил Международный авиакосмический салон в Жуковском, на котором маленькие любители авиатехники со всей страны во главе с пятилетним Тимофеем показали ему летающий на электродвигателе полуметровый топор, который может пригодиться для выходов космонавтов в космос [Смирнов, 2015, с. 2]. Путин умилился и спросил (quelle idee!): «А утюг можете?» – не иначе как имея ввиду русский аналог американского «летающего утюга» F-117 Night Hawk Lockheed. В результате в прошлом году новосибирскими инженерами была представлена модель летающего на спирту утюга, но аэродинамика последнего оказалась хуже, чем у топора⁶.

⁶ Сульдин, Александр. Летающий утюг и махолёт показали на выставке к 150-летию Чаплыгина. URL.: <https://nsknews.info/materials/letayushchiy-utyug-i-makholyet-pokazali-na-vystavke-k-150-letiyu-chaplygina/> (дата обращения 15 ноября 2020)

*Илл. 5 Путин и AVIAMAКС 2015. Когда летают даже топоры⁷
Fig. 5 Putin and AVIAMAКС 2015. When Even Axes Fly*

Как видим, русский топорик, запущенный «провидцем духа», все летит – дальше и дальше, «сам не зная зачем», и, косясь, как говорил другой русский писатель-пророк, постораниваются и дают ему дорогу другие народы и государства...

Список литературы

1. Бем, 1972 – Бем А.Л. «Фауст» в творчестве Достоевского // О Dostojevském: Sborník statí a materiálů. Praha. 1972. S. 194-195.
2. Блюм, 1978 – Блюм А.В. Каратель лжи или книжные приключения барона Мюнхаузена. М.: Книга. 1978. 64 с.
3. Верн, 1869 – Верн, Жюль. Вокруг луны. Рассказ. Перевод с французского [Марко Вовчок]. Русский вестник. 1869. Т. 84. Ноябрь-декабрь.
4. Вознесенский, 1991 – Вознесенский А. Стихотворения. М.: Молодая гвардия, 1991. 174 с.

⁷ URL.: <https://www.youtube.com/watch?v=LwCKIxDrvOQ> (дата обращения 15 ноября 2020)

5. Волгин, 1973 – *Волгин И.Л.* (публ.). Фрагменты «Дневника писателя» // Литературное наследство. Т. 86. Ф.М. Достоевский: Новые материалы и исследования. М.: Наука. 1973. С. 59-81.
6. Гроссман, 1919 – *Гроссман Л.П.* Библиотека Достоевского. Одесса: Книгоиздательство А.А. Ивасенко. 1919. 168 с.
7. Гусев, 1963 – *Гусев Н.Н.* Лев Николаевич Толстой: материалы к биографии. М.: Изд-во Академии наук. 1963. 695 с.
8. Елагин, 1976 – *Елагин И.В.* Под созвездием топора: избранное. Frankfurt/Main: Posev Verlag. 1976. 244 с.
9. ЖМНП, 1835 – Журнал Министерства народного просвещения. Спб. 1835.
10. Кенжеев, 2001 – *Кенжеев Б.* ...не скажу, сколько талой воды утекло с тех пор Знамя. 2001. № 8. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=1504> (дата обращения 15 ноября 2020).
11. Кийко, 1985 – *Кийко Е.И.* К творческой истории «Братьев Карамазовых». 1. Реализм фантастического в главе «Черт. Кошмар Ивана Федоровича» и Эдгар По. 2. Лексикологическая заметка: «пачкать» или «пичкать» // Достоевский: Материалы и исследования. Л.: Наука. 1985. Т. 6. С. 256-262.
12. К.М., 1860 – *К.М.* (переводчик). Путевыя чудесныя приключения барона Мюнхаузена. London: Trubner & Co. 1860. 139 с.
13. Коркия, 1988 – *Коркия В.П.* Свободное время: стихи и поэмы. М.: Советский писатель. 1988. 112 с.
14. Косенко, 1981 – *Косенко П.П.* Скрещение судеб: историческая хроника. Алма-Ата: Жазуши. 1981. 208 с.
15. Крылов, 1969 – *Крылов И.А.* Сочинения. М.: Правда. 1969. Т. 1. 463 с.
16. Лагин, 1961 – *Лагин Л.И.* Лазарь Лагин. Старик Хоттабыч. Патент «АВ». Остров Разочарования. М.: Советский писатель, 1961. 779 с.
17. Любимов, 1876 – *Любимов Н.А.* Начальная физика: в объеме гимназического преподавания. Изд. 2-е. М.: Унив. тип., 1876. 725 с.
18. Мень, 2008 – *Мень А.* Почему нам трудно поверить в Бога? М.: Жизнь с Богом. 2008. 347 с. Цит. по: <https://predanie.ru/book/164400-pochemu-nam-trudno-poverit-v-boga/> (дата обращения 15 ноября 2020).
19. Мережковский, 2001 – *Мережковский Д.С.* Царство Антихриста: статьи периода эмиграции. СПб: Издательство Русского Христианского Гуманитарного Института. 2001. 568 с.
20. Поимцева, 2017 – *Поимцева О.О.* Манифестация топора Достоевского в русской поэзии XXI столетия. // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. 2017. No 1. С. 35-44.
21. Ронен, 1979 – *Ронен, Омри.* К сюжету «Стихов о неизвестном солдате» Мандельштама // Slavica Hierosolymitana. 1979. С. 214-222.
22. Ронен, 2002 – *Ронен, Омри.* Поэтика Осипа Мандельштама. СПб.: Гиперион, 2002. 240 с.
23. Русский вестник, 1856, – Русский вестник. М.; СПб. 1856–1906.
24. Русский вестник, 1880, – Русский вестник. М.; СПб. 1856–1906.
25. Скидан, 2007 – *Скидан А.* Когда русским языком, сухим языком цифр тебе говорят. 2007. <https://m.polit.ru/news/2007/04/02/skidan/> (дата обращения 15 ноября 2020).
26. Смирнов, 2015 – *Смирнов Д.* На МАКСе Путину показали новейший вертолет и... летающий топор // Комсомольская правда. 26.08.2015.

27. Туниманов, 1966 – Туниманов В.А. Сатира и утопия («Бобок», «Сон смешного человека» Ф. М. Достоевского) // Русская литература. 1966. № 4. С. 70-87.
28. Ушинский, 1869 – Ушинский К.Д. Детский мир и хрестоматия. Ч. 2. СПб.: Издание Глазунова. 1869. 402 с.
29. Шашков, 1879 – Шашков С.С. Календарное мастерство // Дело. 1879. №1. С. 19-30.
30. Шевцов, 2007 – Шевцов В.В. Историческая метрология России. Томск: ТМЛ-Пресс. 2007. 280 с.
31. Шкловский, 1974 – Шкловский В.Б. Собрание сочинений: в 3 т. М.: Художественная литература. 1974. Т. 3. 1974. 816 с.
32. Шкловский, 1978 – Шкловский В.Б. Разгадать ветер времени. (Рампа) // Журналист 1978. №2. С. 54-56.
33. Belknap, 1990 – Belknap R.L. The Genesis of The Brothers Karamazov: The Aesthetics, Ideology, and Psychology of Text Making. Evanston: Northwestern University Press. 1990. 199 p.
34. Čyževskýj, 1933 – Čyževskýj D. Literarische Lesefrüchte II: (10). Der Teufel Ivan Karamazovs und N.N. Strachov // Zeitschrift für slavische Philologie. 1933. X (3/4). Pp. 388-390.
35. Friends Journal, 1958 – Friends Journal. 1958. URL: https://archive.org/details/sim_friends-journal_1958_4_index (дата обращения 15 ноября 2020).
36. Milosz, 1977 – Milosz C. Dostoevsky and Swedenborg // Emperor of the Earth: Modes of Eccentric Vision. Berkeley. 1977. Pp. 120-143.
37. New Yorker, 1957 – Comment by John McCarten // The New Yorker. December 14, 1957.
38. Perlina, 2005 – Perlina N. Dostoevsky and His Polish Fellow Prisoners from the “House of the Dead” // Polish Encounters, Russian Identity. Edited by David L. Ransel and Bożena Shallcross. Bloomington: Indiana University Press, 2005. Pp. 100-109.
39. Russell, 1997 – Russell B. “Is There a God?” The Collected Papers of Bertrand Russell. Vol. 11, 1943-68. Ed. John G. Slater and Peter Köllner. London: Routledge, 1997. URL: <http://personal.kent.edu/~rmuhamma/Philosophy/RBwritings/isThereGod.htm> (дата обращения 15 ноября 2020).
40. Vinitzky, 2006 – Vinitzky I. Where Bobok Is Buried: The Theosophical Roots of Dostoevskii's “Fantastic Realism” // Slavic Review. Autumn, 2006. Vol. 65. No. 3. Pp. 523-543.
41. Żochowski, 1845 – Żochowski J. Filozofia serca, czyli mądrość praktyczna. Warszawa, 1845.

References

1. Bem, A.L. “Faust’ v tvorchestve Dostoevskogo” [“Faust in Dostoevsky’s Works”]. O Dostoevském: Sborník stati a materiálů [On Dostoevsky: Collected Essays and Materials], Praha, 1972, pp. 194–195. (In Russ.)
2. Blium, A.V. Karatel’ lzhi ili knizhnye prikliucheniia barona Miunkhauzena. [The Punisher of Lies, or Literary Adventures of Baron Muenchausen]. Moscow, Kniga Publ., 1978. 64 p. (In Russ.)
3. Vern, Zhiul’. “Vokrug luny. Rasskaz. Perevod s frantsuzskogo [Marko Vovchok]”. [“Around the Moon. A Story. Translated from French by Marko Vovchok”]. Russkii vestnik, vol. 84, Nov–Dec 1869. (In Russ.)
4. Voznesenskii, A. Stikhotvoreniia. [Poems]. Moskva, Molodaia gvardiia Publ., 1991. 174 p. (In Russ.)
5. Volgin, I.L. (Ed.) “Fragmenty ‘Dnevnika pisatel’ia” [“Fragments from A Writer’s Diary”]. Literaturnoe nasledstvo [Literary Legacy], vol. 86: Dostoevskii: novye materialy i issledovaniia [Dostoevsky: New Materials and Research]. Moscow, Nauka Publ, 1973, pp. 59–81. (In Russ.)

6. Grossman, L.P. *Biblioteka Dostoevskogo [Dostoevsky's Library]*. Odessa, Knigoizdatel'stvo A.A. Ivasenko Publ., 1919. 168 p. (In Russ.)
7. Gusev, N.N. *Lev Nikolaevich Tolstoi: materialy k biografii. [Lev Tolstoy: Materials to the Biography]*. Moscow, Academy of Science Publ., 1963. 695 p. (In Russ.)
8. Elagin, I.V. *Pod sozvezdiem topora: izbrannoe [Under the Constellation of the Axe: Selected Works]*. Frankfurt/Main, Posev Verlag Publ., 1976. 244 p. (In Russ.)
9. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveteniia [Journal of the Ministry of Public Education]*. Saint Petersburg, 1835. (In Russ.)
10. Kenzheev, B. "...ne skazhu, skol'ko taloi vody uteklo s tekh por" ["... I Won't Say, How Much Water Has Flowed Since Then"]. *Znamia*, no. 8, 2001. znamit.ru/publication.php?id=1504 (accessed: 15 Nov. 2020) (In Russ.)
11. Kiiko, E.I. "K tvorcheskoi istorii 'Brat'ev Karamazovykh'. 1. Realizm fantasticheskogo v glave 'Chert. Koshmar Ivana Fedorovicha' i Edgar Po. 2. Leksikologicheskaiia zametka: 'pachkat' ili 'pichkat'." ["On the Literary Genesis of *The Brothers Karamazov*. 1. The Fantastic Realism in the Chapter 'The Devil: Ivan's Nightmare' and Edgar A. Poe 2. Lexicographical Note: 'to Dirt' and 'to Feed.'"]. *Dostoevskii: Materialy i issledovaniia [Dostoevsky: Materials and Critical Essays]*, vol. 6, Leningrad, Nauka Publ., 1985, pp. 256–262. (In Russ.)
12. K.M. (translator). *Putevyya chudesnyia prikljucheniia barona Muenhauzena. [Magic Travel Adventures of Baron Muenchhausen]*. London, Trubner & Co. Publ., 1860. 139 p. (In Russ.)
13. Korkiia, V.P. *Svobodnoe vremia: stikhi i poemy [Leisure Time: Verses and Poems]*. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1988. 112 p. (In Russ.)
14. Kosenko, P.P. *Skreshhenie sudeb: istoricheskaiia khronika [Destinies Crossed: Historical Chronicle]*. Almaty, Zhazushi Publ., 1981. 208 p. (In Russ.)
15. Krylov, I.A. *Sochineniia. [Works]*, vol 1. Moscow, Pravda Publ., 1969. 463 p. (In Russ.)
16. Lagin, L.I. *Starik Khottabych. Patent "AV". Ostrov Razocharovaniia [Old Man Khottabych. Patent AV. Island of Disappointment]*. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1961. 779 p. (In Russ.)
17. Liubimov, N.A. *Nachal'naia fizika: v ob'eme gimnazicheskogo prepodavaniia. [Elementary Physics]*, 2nd ed., Moscow, 1876. 725 p. (In Russ.)
18. Men', Aleksandr. *Pochemu nam trudno poverit' v Boga? [Why Is It Hard for Us to Start Believing in God?]*. Moscow, Zhizn's Bogom Publ., 2008. 347 p. <https://predanie.ru/book/164400-pochemu-nam-trudno-poverit-v-boga/> (accessed: 15 Nov. 2020) (In Russ.)
19. Merezhkovskii, D.S. *Tsarstvo Antikhrista: stat'i perioda emigratsii. [The Antichrist's Kingdom: Essays Written during the Emigration Period]*. Saint Petersburg, Russian Humanitarian Institute Publ., 2001. 568 p. (In Russ.)
20. Pointseva, O.O. "Manifestatsiia topora Dostoevskogo v russkoi poezii XXI stoletiiia." ["Manifestation of the Dostoevsky's Axe in Russian Poetry of the 21st Century"]. *Chasop. Belarus. dziarzh. un-ta. Filologiia*, no. 1, 2017, pp. 35–44 (in Russ.)
21. Ronen, Omri. "K siuzhetu 'Stihov o neizvestnom soldate' Mandel'shtama" ["On the Plot of Mandelshtam's 'Verses to an Unknown Soldier'."]. *Slavica Hierosolymitana*, 1979, p. 214–222. (In Russ.)
22. Ronen, Omri. *Poetika Osipa Mandel'shtama [Osip Mandelstam's Poetics]*. Saint Petersburg, Giperion Publ., 2002. 240 p. (In Russ.)
23. *Russkii vestnik [Russian Herald]*. Moscow; Saint Petersburg, 1856. (In Russ.)
24. *Russkii vestnik [Russian Herald]*. Moscow; Saint Petersburg, 1880. (In Russ.)

25. Skidan, A. "Kogda russkim iazykom, sukhim iazykom tsifr tebe govoriat" ["When People Speak to You in Russian, in the Cold Language of Numbers"]. *Polit.ru*, 02 Apr. 2007. m.polit.ru/news/2007/04/02/skidan/ (accessed: 15 Nov. 2020) (In Russ.)
26. Smirnov, D. "Na MAKSe Putinu pokazali noveishii vertolet i... letaiushhii topor" ["They Showed Putin the Newest Model of a Helicopter and... a Flying Axe"]. *Komsomol'skaia pravda*, 26 Aug. 2015. (In Russ.)
27. Tunimanov, V.A. "Satira i utopiia ('Bobok', 'Son smeshnogo cheloveka' F.M. Dostoevskogo)" ["Satire and Utopia in Dostoevsky's 'Bobok' and 'Dream of a Ridiculous Man'."]. *Russkaia literatura*, no. 4, 1966, pp. 70–87. (In Russ.)
28. Ushinskii, K.D. *Detskii mir i khrestomatiia. Ch. 2. [Child's World and Chrestomathy. Part 2]*. Saint Petersburg, Izdanie Glazunova Publ., 1869. 402 p. (In Russ.)
29. Shashkov, S.S. "Kalendarnoe masterstvo" ["The Craftmanship of Calendars"]. *Delo*, no. 1, 1879, pp. 19–30. (In Russ.)
30. Shevtsov, V.V. *Istoricheskaiia metrologiia Rossii [Historical Metrology of Russia]*. Tomsk, TML-Press Publ., 2007. 280 p. (In Russ.)
31. Shklovskii, V.B. *Sobranie sochinenii: v 3 t. [Collected Works: in 3 Vols.]*, vol. 3. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1973. 816 p. (In Russ.)
32. Shklovskii, V.B. "Razgadat' veter vremeni" ["To Guess the Wind of Time"]. *Zhurnalist*, no. 2, 1978, pp. 54–56. (In Russ.)
33. Belknap, R.L. *The Genesis of The Brothers Karamazov: The Aesthetics, Ideology, and Psychology of Text Making*. Evanston, Northwestern University Press, 1990. 199 p. (In English)
34. Čyževskij, D. "Literarische Lesefrüchte II: (10). Der Teufel Ivan Karamazovs und N.N. Strachov". *Zeitschrift für slavische Philologie*, X (3/4), 1933, pp. 388–390. (In German)
35. *Friends Journal*, 1958. archive.org/details/sim_friends-journal_1958_4_index (accessed: 15 Nov. 2020) (In Russ.)
36. Milosz, Czeslaw. "Dostoevsky and Swedenborg". *Emperor of the Earth: Modes of Eccentric Vision*, Berkeley, 1977, pp. 120–143. (In English)
37. "Comment by John McCarten". *The New Yorker*, 14 Dec. 1957.
38. Perlina, Nina. "Dostoevsky and His Polish Fellow Prisoners from *The House of the Dead*". *Polish Encounters, Russian Identity*. Edited by David L. Ransel and Bożena Shallcross. Bloomington, Indiana University Press, 2005, pp. 100–109. (In English)
39. Russell, Bertrand. "Is There a God?" *The Collected Papers of Bertrand Russell*, vol. 11, 1943–68. Ed. John G. Slater and Peter Köllner. London, Routledge, 1997. personal.kent.edu/~rmuhamma/Philosophy/RBwritings/isThereGod.htm (accessed: 15 Nov. 2020) (In English)
40. Vinit'sky, Ilya. "Where Bobok Is Buried: The Theosophical Roots of Dostoevskii's 'Fantastic Realism'." *Slavic Review*, vol. 65, no. 3, 2006, pp. 523–543. (In English.)
41. Żochowski Józef. *Filozofia serca, czyli mądrość praktyczna*. Warszawa, 1845. (In Polish)

Статья поступила в редакцию 30.11.2020
Одобрена после рецензирования 01.12.2020
Принята к публикации 15.01.2021
Дата публикации: 25.03.2021

The article was submitted 30 Nov. 2020
Approved after reviewing 01 Dec. 2020
Accepted for publication 15 Jan. 2021
Date of publication: 25 Mar. 2021